

УДК 811.111-26

DOI: 10.17223/19986645/69/7

А.В. Нагорная

МЕТАФОРЫ СТАРЕНИЯ И СТАРОСТИ В ОБИХОДНО-РАЗГОВОРНЫХ ДИСКУРСАХ СОВРЕМЕННОЙ АМЕРИКИ

Рассматривается проблема метафорической концептуализации экзистенциально-го опыта старения в обиходно-разговорных дискурсах США. Изучаются особенности социокультурного контекста, формирующего современные американские дискурсы старения и старости. Анализируются результаты эксперимента, проведенного на платформе Survey Monkey с целью выявления основных тенденций в осмыслении и вербализации опыта старения и старости. Исследуются возможности модификации конвенциональных метафор и создания индивидуально-авторских метафорических проекций.

Ключевые слова: обиходно-разговорный дискурс; дискурсы старения и старости; метафора; метафорическая креативность; метафорический ландшафт.

Одной из сложнейших когнитивных задач, с которыми сталкивается в своей жизни представитель современной американской культуры, является осмысление экзистенциального опыта старения.

Эта сложность вызвана целым комплексом причин, одна из которых связана с универсальными особенностями восприятия собственного Я. Многочисленные исследования показывают, что человеку свойственно «вневременное ощущение себя» [1. Р. 131], и хронологический возраст часто оказывается нерелевантным для самоидентификации. По словам Дж. Сантаяны, «под коркой возраста душа всегда остается молодой» [2. Р. 105]. Это наблюдение подкрепляется многочисленными эмпирическими данными. Так, общенациональный опрос, проведенный в США в июне 2009 г., показал, что чем старше становится современный американец, тем моложе он себя чувствует и тем чаще он склонен воспринимать старость как период, который наступит несколько позже [3]. Вспомним в связи с этим известное высказывание финансиста и государственного деятеля Б. Баруха, которое давно используется как афоризм без атрибуции авторства: «Для меня старость – это всегда на пятнадцать лет старше, чем я есть» [4]. В индивидуальном когнитивном пространстве современного американца старость превращается в своеобразный «иноконцепт», заключающая в себе то, что может относиться лишь к Другому и чего нет в сфере собственной экзистенции.

Полноценной рефлексии собственного опыта старения препятствуют и многочисленные психологические факторы. Пожалуй, главный из них – нежелание принять факт выхода на «финишную прямую» жизни, страх неминуемо надвигающейся смерти, необходимость смириться с конечно-

стью собственного бытия. Немаловажную роль играет и культурно обусловленная предрасположенность связывать старость с внешней непривлекательностью, немощью, болезненностью, скудоумием и «выходом из социального употребления» [5. Р. 66]. Сознание блокирует эти неприятные переживания, выталкивая их из сферы субъективного опыта.

Релевантными представляются и некоторые особенности национальной психологии. По меткому наблюдению К.В. Вудворта, американцы воспринимают себя как «вечного Питера Пэна среди наций» [2. Р. 103]. Речь здесь идет не столько об относительной молодости самой страны, в которой они живут, сколько об особом, чуть инфантильном, мироощущении, культе вечной юности, отрицающем старение и смерть. Сформулированное еще Р.У. Эмерсоном в середине XIX в. [6. Р. 84], это ощущение описывается многими исследователями как часть общей национальной мифологии, стержневой компонент американской культуры (см., например: [2. Р. 104; 7. Р. 346]), закрепленный в известной поговорке *You're never too old to feel young* («Ты никогда не бываешь слишком старым, чтобы чувствовать себя молодым»). В этом культурном контексте принятие факта собственного старения становится актом моральной капитуляции и (в определенной степени) вызовом базовым американским ценностям.

С другой стороны, осмысление опыта старения в современной Америке осложнено широкой вариативностью концептуальных ориентиров, отраженных и закрепленных в дискурсивных практиках.

В настоящее время дискурсивное пространство старения и старости отличается крайней неоднородностью, предлагая носителям американской лингвокультуры множество «прочтений» этого опыта, за которыми стоят существенно разнящиеся интерпретативные схемы. В нем, например, присутствуют многочисленные отголоски викторианских рационалистских дискурсов, в рамках которых старость представляется как состояние «греховного распада», а старики – как непосильное экономическое бремя на плечах молодого поколения [8. Р. 29–30].

Сильны в нем и дискурсивные мотивы второй половины XX в., известной становлением консьюмеристской соматической культуры, в которой старое тело признается культурной маргиналией. Консьюмеризм породил не только пессимистическое видение старости, но и крайне уничижительное ее обозначение в языке. Начиная с 50-х гг. XX в. американские дискурсы старости наполняются пейоративами типа *dinosaur*, *fossil*, *blue-hair*, *cotton-top*, *gerry* и *trog* [9], которые до сих пор активно циркулируют в языке.

Одновременно с этим все больший концептуальный вес приобретают современные «романтические» дискурсы старения, репрезентирующие старость как период новых возможностей, горизонтов и жизненных перспектив (см., например: [8. Р. 30]). Активно формируется концепция «успешной старости», важнейшими компонентами которой признаются высокая физическая и когнитивная активность и интерес к жизни [10. Р. 143–149], а старость провозглашается «лишь образом мышления» [11. Р. 46]. Дискурсивное пространство старения обогащается все более опти-

мистическими, жизнеутверждающими образами. *Aging* эволюционирует в *sageing*, подчеркивая тем самым важное преимущество старости – накопленную жизненную мудрость (от *sage* – мудрец) [12. Р. 4]. Старение признается совершенно естественной частью жизни, что исключает применение к нему аксиологических категорий типа «хорошо» или «плохо», «почетно» или «стыдно». Возрастные характеристики активно нейтрализуются в дискурсе в рамках борьбы с так называемым эйдджизмом. Весьма любопытна в этой связи практика американских банков, которые, предоставляя особые пакеты услуг для пожилых граждан, отказываются от ставшей привычной формулировки *senior accounts*, предлагая взамен *Classic checking* или *Renaissance checking*. Этот эвфемистический тренд распространяется и на другие сферы. Так, специальные программы авиаперелетов для лиц «третьего возраста» именуются *Young at Heart* и *Silver Wings Travel Club* [9].

Такое реконструирование дискурсивного пространства старения и старости обусловлено, главным образом, демографическими реалиями современной Америки. Население США, как и многих других развитых стран мира, стремительно стареет. По существующим прогнозам, к 2030 г. количество граждан в возрасте старше 65 лет превысит количество лиц, не достигших 18 лет [13], причем пожилые люди «приобретают все большую культурную заметность» [14. Р. 4], активно участвуя в жизни страны. Существенно изменился, например, демографический состав властных структур. Аналитики называют современную Америку геронтократией, отмечая, что в настоящее время наиболее влиятельными игроками на политическом поле оказываются деятели, чей возраст превышает порог в 70 лет [15]. Так, ярчайшей фигурой современной политики является 79-летняя Нэнси Пелоси – один из лидеров оппозиции действующему (на момент написания статьи. – *Ред.*) 72-летнему президенту Дональду Трампу и влиятельная ролевая модель для миллионов американцев.

Подобные демографические сдвиги вызывают мощные культурные дрейфы, которые неизбежно ведут к изменениям в дискурсивном пространстве старения и старости. Эти изменения, однако, не носят глобального и революционного характера в силу определенной инертности социокультурных практик, и дискурсивные инновации функционируют наряду с традиционными, устоявшимися и привычными дискурсивными моделями и штампами. Современный американец оказывается в весьма разнородной когнитивно-дискурсивной ситуации, имея возможность выбрать одну из многочисленных интерпретативных моделей, предлагаемых ему культурой, либо составить свою собственную комбинацию из имеющихся дискурсивных возможностей.

Эта когнитивно-дискурсивная ситуация создает чрезвычайно благоприятные возможности для проведения лингвистических исследований самого разного уровня: от моделирования глобального дискурсивного пространства старения и старости до исследования отдельных лексических единиц, репрезентирующих концепт СТАРОСТЬ в современном американском английском.

В данной работе представлены результаты локального исследования, цель которого заключалась в выявлении индивидуальных средств осмыс-

ления и вербализации опыта старения рядового представителя современной американской лингвокультуры.

Релевантность подобного исследовательского ракурса неоднократно отмечалась специалистами в области культурной геронтологии, которые отвергают макроподходы к возрастному населению, приветствуя подходы «микрокосмические», направленные не на общество в целом, а на индивида и тот гуманитарный и социальный контекст, в котором этот индивид существует [16. Р. XIX]. С другой стороны, релевантность этого подхода объясняется общим интересом к «субъективности, рефлексивности и индивидуации» [17. Р. 2–4], свойственной не только современной геронтологии, но и гуманитарным наукам в целом.

Частная задача исследования заключалась в выявлении наиболее популярных метафор, используемых для осмысления опыта старения в так называемых обиходно-разговорных дискурсах (*lay discourses*). Выбор такой узкой исследовательской перспективы обусловлен тем, что метафора является основным механизмом осмысления и вербализации феноменов субъективной реальности. Ее эффективность объясняется особенностями переживания опыта старения, о которых мы писали выше. Метафора помогает снять несколько важных когнитивных блоков: она объективирует опыт старения, вынося его вовне и придавая ему вещественность; структурирует его, задавая определенные концептуальные ориентиры; позволяет разделить этот опыт с другими; обеспечивает континуальность общего экзистенциального опыта, предлагая смысловые связки между отдельными его фрагментами (см.: [18. С. 158–159]).

Методологическую основу исследования составила концепция метафорической креативности, релевантность которой объясняется тем, что предметом нашего особого лингвистического интереса являются нестандартные, в том числе и индивидуально-авторские, метафоры. В трактовке метафорической креативности мы придерживаемся подхода, предложенного З. Кёвечешем, который определяет ее как способность к созданию новых, нетривиальных метафор на концептуальном и / или вербальном уровне [19. Р. 97].

Креативность на концептуальном уровне предполагает создание принципиально новой метафорической проекции, соединяющей область цели с культурно не санкционированной областью источника. Примером такого рода креативной деятельности является гастрономическая метафора старости, предложенная С. Кингом: <...> *getting old was like getting a bad dessert at the end of a really fine meal* [20. Р. 106].

Креативность этого типа может проявляться и в способности выявлять и обыгрывать обычно не используемые аспекты области источника. Так, использование традиционной метафоры *LIFE IS A JOURNEY* допускает фокусировку на способе, скорости и траектории перемещения, предоставляя человеку обширные концептуальные возможности. Примером здесь может служить авторская метафора М. Элиас: *For cheerful, resilient people, aging is often a sleigh ride, even if their lives appear challenging and stressful* [21].

Обыгрывание скрытых концептуальных возможностей может приводить к созданию сложных развернутых метафор, по сути – целых метафорических сценариев. Яркий пример подобного рода метафорической креативности является описание старения у Р. Ледерера, основывающееся на традиционном для американцев метафорическом понимании человека как автомобиля: *Some of us try to turn back our life's odometer. Others of us want people to know why we look this way. We admit that we have bumps and dents and scratches in our finish, and the paint job is getting a little dull. And sure, the fenders are too wide to be in style, and our seats are sagging. The battery no longer holds a charge, and the headlights have dimmed. The hoses are brittle, and much of the original tire tread is worn away. The transmission stays in low gear and doesn't easily shift to high. Climbing any hill is liable to cause sputtering. And whenever we sneeze or cough, our radiator seems to leak. But you know what? We've traveled many, many miles, and some of the roads weren't paved. Wisdom and laughter are our shock absorbers. We've become classics* [22. Р. IX–X].

Креативность на вербальном уровне проявляется в способности выбрать нетривиальную лексическую единицу для представления старой метафорической проекции. Так, старость может описываться не как *journey*, а с помощью парадигматически связанных с данной лексемой единиц *trip*, *voyage* или *tour*. Ср.: *a long trip to the unknown* [23. Р. 79].

Источником всех приведенных выше примеров являются письменные тексты (художественные и научно-популярные произведения, газетные статьи), написанные людьми, профессионально работающими со словом и, как следствие, обладающими развитой метафорической компетенцией [24]. Для нас, однако, гораздо больший интерес представляет «низовая» креативность рядового представителя американской лингвокультуры, способность к созданию собственных метафор либо креативному обыгрыванию уже существующих.

Методологически важной для нас является и концепция метафорического ландшафта (*metaphoric landscape*), предложенная Дж. Лоули и П. Томпкинс. Суть ее заключается в том, что каждый человек осуществляет символическое моделирование своей субъективной реальности собственным, только ему присущим образом. Внутренний мир ощущается и переживается как динамическое трехмерное пространство символов [25. Р. 17]. Основным инструментом символического моделирования является метафора, а совокупность метафор, организованных определенным образом, составляет уникальный метафорический ландшафт. Подчеркнем, что концепция метафорического ландшафта в авторской интерпретации относится не ко всему пространству символов, а к той части этого пространства, которая связана с осмыслением определенного опыта. В нашем случае речь идет об осмыслении опыта старения.

Для выявления способов метафорического осмысления старости, к которым прибегают современные американцы, мы провели эксперимент на электронной платформе *Survey Monkey*¹, предназначенной для проведения

¹ <https://www.surveymonkey.com>

массовых опросов и позволяющей задать демографические параметры респондентов.

К участию в опросе, который проводился 19 февраля 2019 г., были приглашены американцы старше 40 лет. Выбор возрастного параметра обусловлен тем обстоятельством, что лица этого возраста в норме обладают достаточной психологической и социальной зрелостью и развитыми навыками рефлексии, проблема старения становится для них все более релевантной, и они имеют достаточный дискурсивный опыт, обеспечивающий им знание культурно санкционированных способов вербализации феноменов старения и старости.

Респондентам было предложено 10 открытых вопросов с инструкцией закончить их любым способом, который кажется им приемлемым. Вопросы были сформулированы таким образом, чтобы вынудить респондентов использовать образное сравнение:

Q1: Getting old is like ...

Q2: Old age means...

Q3: Being old is similar to...

Q4: An old woman is like a...

Q5: An old man resembles a...

Q6: When you are old, you mostly feel like a...

Q7: An aging body is so much like...

Q8: Aging can be compared to...

Q9: All old people are like ...

Q10: Some old people resemble...

Форма образного сравнения была выбрана для того, чтобы предотвратить использование простых предикативных структур типа *Getting old is a nuisance* или *Getting old is boring*. Отсутствие в вопросах классической метафорической рамки **A is B** не противоречит поставленной в эксперименте цели получения индивидуальных метафор. Сошлемся в этой связи на теорию жизни метафоры (*Career of Metaphor Theory*), согласно которой сравнение и метафора составляют одну общую категорию, отражающую способность человека к мышлению по аналогии [26]. Сравнение представляет собой «первоначальный акт» формирования метафорических категорий [27. Р. 762]. Оно эволюционирует в метафору по мере того, как «укореняется» (*gets entrenched*) в сознании и проходит процесс конвенционализации [28]. Способность сконструировать образное сравнение, по нашему мнению, свидетельствует о наличии в сознании респондента сформированной метафорической проекции.

Формулировка вопросов отличается предельной лаконичностью, поскольку мы придерживались принципов «чистого языка» [25. Р. 17]. Суть их заключается в использовании максимально нейтральных, полностью лишенных метафорического компонента формулировок во избежание эффекта семантического прайминга.

В опросе приняли участие 72 респондента; из них 41 человек (56,94%) – это женщины и 31 человек (43,05%) – мужчины. Представлены три воз-

растные группы: от 40 до 44 лет – 7 человек (9,7%), от 45 до 60 лет – 15 человек (20,8%) и старше 60 лет – 50 человек (69,4%).

Из общего количества полученных ответов (n = 720) в 357 (49,58%) представлена полноценная метафора, идентификация которой производилась с помощью метода MIP (*Metaphor Identification Procedure*) [29]. Наибольшее количество метафорических ответов было получено на вопросы Q7 (n = 58, 80,56%), Q5 (n = 45, 62,5%) и Q4 (n = 41, 56,94%), а наименьшее – на вопрос Q2 (n = 3; 4,17%), что объясняется в том числе и особенностями используемых маркеров сравнения.

Из 720 лишь 20 ответов представляют собой отрицательный материал. В их числе: отсутствие семантически значимой информации (?; xxx¹); уход от ответа (*I don't know; Not much; All depends; Depends how old; This is too much of a generalization*); отказ от ответа (*Seriously? I wouldn't touch this question if you paid me; No comment*); буквальный ответ (*Not being young anymore*); тавтологическое определение (*Getting old; Being old*); оценочно отрицательное высказывание, касающееся самого вопроса или участия в опросе в целом (*Come on, what kind of questions are these?; this is stupid; This is such a waste of time; Got nothing here. Seems like a silly question to me*). Один из 72 респондентов (1,38 %) не представил ни одного семантически валидного высказывания, последовательно реализуя стратегию троллинга (*this is stupid; this is dumb; taking a stupid survey on survey monkey; what a ridiculous lead in; This is such a waste of time, etc.*).

Многие ответы, не содержащие метафоры, следует признать информативным с концептуальной точки зрения материалом. В них так или иначе отражены те особенности восприятия старости и осмысления собственного опыта старения, о которых мы писали во вступительной части настоящей статьи.

Так, в ряде ответов отражена тенденция к отрицанию собственного старения: Q2/R7². *The numbers that tell your age are higher than they were before. But it's still only a number*; Q3/R42. *Who you calling old?*

Респонденты склонны видеть свою жизнь как единое «биографическое целое» [30. С. 471], нечленимое на качественно отличающиеся этапы. Они ощущают себя такими же, как были в молодости, и не видят смысла в особом определении старости: Q6/R2. *like the person I was 20 years ago. I think, act and reason in the same manner. I've aged, not changed*; Q9/R20. *Themselves in all their uniqueness*; Q6/R43. *A full alive person who has no age*.

В ряде ответов респонденты формулируют сущность старости как формирование новой «версии» собственного неизменного Я. Ср.: Q10/R20. *Older versions of themselves*; Q4/R66. *older version of one's former self*. В некоторых ответах эксплицированы особенности этой новой версии: Q10/R2. *miniature versions of their former selves*; Q6/R29. *Slower version from your youth*; Q4/R11. *A smarter version of myself. I love being my age! I've been around a while and have seen things change and not always for the better. Most*

¹ Здесь и далее все примеры приводятся в авторской орфографии и пунктуации.

² Здесь и далее: Q (question) – вопрос, R (respondent) – респондент.

young women want to ruin our nation but stupidity they can't think for themselves! I don't let anyone tell me how to think!

Респонденты готовы признать старение тела, но не считают старение процессом, затрагивающим человеческую сущность: Q5/R10. *Young man mentally... but without the body*; Q5/R43. *Young man, who has wrinkles*; Q3/R14. *being young except your physical strength is exchanged for greater mental strength!*

Некоторые респонденты определяют старость хронологически, связывая ее с достижением определенного возрастного порога и выходом на пенсию, что соответствует тенденции к «бюрократизации возраста» в современных англоязычных странах [31. Р. 8]. Ср.: Q2/R58. *over 70*; Q9/R9. *Beyond 75 or 80*; Q2/R2. *your numerical age is at retirement levels or above*. Заметим, что выход на пенсию упоминается в 8 ответах (1,11%).

В 12 ответах (1,67 %) прослеживается ассоциация старости со смертью, о которой мы писали выше. Ср.: Q1/R52. *Dying*; Q2/R61. *Death*; Q2/R67. *you are gonna die*. В некоторых из этих ответов старость предстает как альтернатива смерти, приобретая тем самым положительное значение: Q8/R34. *being lucky not to have died*; Q2/R22. *I haven't died yet!*; Q1/R34. *being grateful that you're not dead yet*.

В 4 случаях (0,56%) респонденты предлагают рационалистское викторианское определение старости, описывая ее как превращение в бремя, обузу для окружающих. Ср.: Q6/R19. *Burden to others and out of touch with the times*; Q6/R31. *Burden to family*. Q6/R15. *pain in someone's ass*.

Многим, однако, свойственно куда более оптимистическое видение старости, и респонденты описывают преимущества этого возраста как свободу выражения, независимость от мнения окружающих, наличие знаний, мудрости и опыта, способность наслаждаться жизнью и ценить ее. Ср.: Q6/R17. *free spirit, no restrictions*; Q2/R43. *Wisdom, Grace and Freedom!*; Q2/R42. *Not having to say I'm sorry*; Q3/R11. *To being smarter! The older I get the less I care about what people think about me! I live a good and moral life and I'm happy!*; Q1/R14. *finally knowing how to enjoy life and do what you love*. В одном ответе отражена трактовка старости, активно пропагандируемая в современных англоязычных дискурсах: Q1/R9. *Part of life!*.

И наконец, два респондента определяют стариков как «силу, с которой нужно считаться», подтверждая тем самым реальность дискурсивных сдвигов, обусловленных современными демографическими динамиками: Q9/R25. *a force to be reckoned with*; Q9/R26. *A group to be reckoned with*.

Приведенные выше примеры подтверждают релевантность теоретических выкладок, представленных во вступительной части статьи, и свидетельствуют о широкой вариативности трактовок старения и старости, санкционируемых современной американской лингвокультурой.

Основным объектом нашего научного интереса, однако, являются метафорические трактовки старения и старости, представленные в ответах респондентов.

Высокопредсказуемым было появление ответов, в которых так или иначе обыгрывается традиционная для англоязычной культуры метафора LIFE

IS A JOURNEY. Релевантность этой метафоры для интерпретации старения объясняется отмеченной выше континуальностью экзистенциального опыта, целостностью биографического Я. В наиболее явном виде она представлена в 15 ответах (4,2 %¹), три из которых репрезентируют ее с максимальной определенностью и лаконичностью: Q1/R70. *Traveling to another country*; Q8/R20. *A long journey*; Q8/R70. *Travelling*.

Среди ответов можно найти и весьма креативные образования, в которых последовательно разворачивается метафорический сценарий путешествия. Так, один из респондентов сравнивает стареющего человека с путешественником, прошедшим большую часть пути, и подробно описывает как уже проделанный маршрут, так и еще не исследованный его отрезок: Q6/R21. *Traveler with most of your journey behind you. What lies ahead is still not entirely known, the highs and lows of the trip sit with you, and you know that when you arrive at the end of your journey your tale of travel will be done*. Подробная экспликация деталей, включая направление движения, наличие конечного пункта, особенности «ландшафта» пройденного пути (*highs and lows*), а также варьирование в репрезентации концепта ПУТЕШЕСТВИЕ на вербальном уровне (*journey, trip, travel*), свидетельствует о высокой степени отрефлексированности описываемого опыта и наличии развитой метафорической компетенции.

Заслуживает особого внимания и ответ Q8/R21. *A journey into the unknown with resources that diminish even as you learn to make better use of the resources you have*. Важной частью представленного здесь метафорического сценария является пункт назначения, который описан респондентом как неизвестное, неисследованное место, что метафорически соотносится с новизной опыта. Достойно комментария и упоминание скудеющих ресурсов, которое можно рассматривать как метафору ухудшающегося физического состояния.

Полученный экспериментальный материал демонстрирует возможность применения данной метафоры и к описанию стареющего человеческого тела (Q7). Так, один из респондентов называет его «дорожной картой жизни», на которой запечатлены все «рытвины» и «колдобины», встретившиеся человеку на жизненном пути, и обозначены все «аварии», от которых ему удалось оправиться: Q7/R2. *A transparent map of your life. The crevices you've escaped, the pitfalls you avoided and the accidents you've recovered from. Scars, wrinkles and loose muscles are badges of experience acquired through living life, not a spectator*. Полноценной, по мнению респондента, можно считать лишь жизнь активного путешественника, поскольку только она позволяет ему накопить опыт.

О необходимости активного участия в жизни-путешествии пишет еще один респондент, не одобряющий позиции «пассажира, ожидающего последний поезд»: Q10/R21. *The very best humanity is capable of being. Others*

¹ Здесь и далее приводится статистика относительно общего количества только метафорического материала.

are like renewable resources being ignored and underutilized. Others still are like passengers awaiting the last train.

В некоторых ответах профилируются отдельные аспекты путешествия. К ним относится, в частности, средство перемещения. Так, старость сравнивается с путешествием на парусном судне или пешей прогулкой: Q3/R70. *Sailing*; Q1/R65. *Walk*; Q8/R65. *Long walk*. В четырех ответах респонденты фокусируются на дороге, по которой осуществляется перемещение. Однако при общности ракурса они предлагают существенно различающиеся образы. Например, два респондента сравнивают с дорогой самого человека, вступившего в пожилой возраст, отмечая степень ее «обкатанности», «изношенности»: Q4/R50. *A well traveled road way*; Q6/R50. *Pothole or roadblock along the roadway of life*. Один респондент применяет метафору разбитой дороги к процессу старения: Q8/R50. *A well traveled path/roadway that hasn't been maintained*. Наконец, четвертый респондент описывает старость как невозможность покинуть определенное место, в котором человек «застревает»: Q9/R18. *Stuck in the same place with the same memories but coming at you from different angles*. Четыре респондента фокусируются на скорости перемещения, единогласно описывая ее как «снижающуюся», что метафорически соотносится с физиологическими особенностями стареющего человека: Q2/R59. *Slowing down*; Q6/R23. *Person who is slowing down, but resisting it*; Q6/R25. *You are moving in slow motion*; Q8/R46. *Slowing down*. Один из респондентов профилирует цель путешествия, называя ее «отпуском», что, вероятно, метафорически реферируется к прекращению трудовой деятельности: Q8/R64. *Going on vacation*. В одном из ответов наблюдается профилирование способа и вектора перемещения: Q8/R12. *Rolling down a hill – it happens without any effort on your part*. Старение описывается здесь как процесс, которым человек не в состоянии управлять.

Чрезвычайно любопытным является ответ Q8/R5. *The last lap of a cross country run*. Здесь эксплицируются способ и скорость перемещения (*run*), местность, по которой оно осуществляется (*cross country*), траектория (*lap* предполагает бег по кругу) и фаза действия (*last*). Старение предстает как финальная часть трудного, требующего больших физических усилий пути, перемещение по которому к тому же не лишено элемента соревновательности.

Интересным с точки зрения метафорической креативности представляется и пример Q8/R66. *Driving almost to the edge of the cliff*. Здесь, в пределах одного компактного описания, респондент прорисовывает сразу три аспекта метафорического сценария, описывая способ перемещения (*driving*) и особенности ландшафта местности, в которой оно осуществляется (*cliff*), а также указывая конечную точку пути (*edge*), создавая целостный образ трудного и опасного путешествия.

Избранный последним респондентом способ перемещения далеко не случаен. Анализ материала показывает, что образ автомобиля популярен в обиходно-разговорной метафорике старения и старости. Он эксплицитно упоминается в 19 ответах и представлен тремя лексическими единицами: *car* (n = 14), *vehicle* (n = 3) и *automobile* (n = 2). С одной стороны, его попу-

лярность можно объяснить тем, что он гармонично встраивается в метафорический сценарий ЖИЗНЬ – ЭТО ПУТЕШЕСТВИЕ, обладая при этом значительной семантической ёмкостью и допуская профилирование множества отдельных аспектов. К ним относятся скорость, вектор, траектория движения, степень активности находящихся в нем людей (роль водителя или пассажира), марка и техническое состояние самого автомобиля и т.д. С другой стороны, появление автомобильной метафоры в дискурсах экзистенциального опыта объясняется тем, что сам образ автомобиля относится к числу ключевых в современной американской культуре. По признанию ряда исследователей, автомобиль является важнейшим фактором развития современной американской цивилизации, воплощая в себе ключевые для этой культуры индивидуалистические качества, и «на культурном уровне глубоко укоренен в американской ментальности» [32. Р. 12], что позволяет использовать его для метафоризации широчайшего спектра явлений и событий.

В нашем эксперименте автомобильные метафоры представлены в ответах на 6 из 10 вопросов, причем наибольшая их концентрация ($n = 13$) наблюдается в ответах на вопрос Q7, в котором респондентам предлагалось придумать сравнение для стареющего тела. В ответах оно эксплицитно сравнивается со старым автомобилем с высокой степенью износа и множеством технических неисправностей, требующим постоянного обслуживания и ремонта. Приведем наиболее интересные ответы: Ср.: Q7/R8. *A car breaking down not kept running good*; Q7/R28. *An old car, need constant attention to keep it going*; Q7/R43. *A car.... if you don't take care of it... breakdowns come fast and frequently*; Q7/R71. *An aging automobile. Classic but not always reliable*.

Обратим особое внимание на определение *classic*, содержащееся в последнем примере. В современной американской лингвокультуре *classic*, как правило, ассоциируется с высоким качеством, проверенным временем¹, и, как следствие, с высокой ценностью и привлекательностью. В нашем случае *classic* предстает как полифоничная метафора, с помощью которой определяются как внешние признаки тела, так и его возраст. Это определение встречается еще в двух ответах, в одном из них подкрепляясь синонимом «винтажный»: Q7/R47. *Classic car*; Q5/R6. *Classic vintage car*. Такая повторяемость свидетельствует о том, что ассоциация с автомобилем классической марки санкционирована лингвокультурой.

В шести ответах респонденты описывают старение в терминах технической неисправности автомобиля. Ср.: Q7/R40. *A rundown vehicle less one exercises*; Q3/R8. *A car breaking down as it is not kept running good*. В двух из них используется формулировка *needs tender loving care*, широко применяемая в рекламе подержанных автомобилей и являющаяся по сути эвфемизмом для обозначения плохого технического состояния транспортного средства. В одном из примеров она представлена привычной для американцев аббревиатурой TLC: Q7/R55. *an aging vehicle that needs tender loving*

¹ Ср.: *classic*: a work of enduring excellence [33].

care; Q8/R10. *An old dependable car... that needs lots of TLC*. В трех случаях респонденты предлагают более креативные решения, описывая характер неисправности: Q3/R50. *Being a rusted out, broken down vehicle*. Q5/R32. *Car that's lost it's shine*; Q6/R45. *Car beginning to leak and squeak*.

Особое место среди ответов, использующих автомобильные образы, занимает сравнение старения с изучением устройства автомобиля: Q1/R21. *Understanding how your car works just as it starts breaking down*. В данном случае автомобиль предстает не просто как метафорическое средство передвижения по метафорической же дороге жизни, но и как сама жизнь отдельной личности, понимание смысла которой требует знаний и опыта, приходящих со временем.

К автомобильной метафорике тяготеет и интерпретация старости как аварии, которая представлена в двух ответах: Q6/R35. *Person that has been run over by a truck*; Q1/R13. *Watching a crash in slow motion, knowing eventually your number will come up*. В первом случае пожилой человек описывается как ее реальная жертва, причем тип транспортного средства (*truck*) не оставляет сомнения в значительности нанесенного ему физического ущерба. Второй образ более динамичен, приближение старости описывается как неотвратимое событие катастрофических масштабов.

Один респондент креативно обыгрывает доменную область источника, описывая старение тела как «езду с пустым баком»: Q7/R36. *Running on empty*. Очевидно, что отсутствие топлива метафорически реферируется к недостаточности физических ресурсов, невозможности поддерживать полноценную «работу» тела.

Пожалуй, самым остроумным «автомобильным» прочтением старости следует признать следующий ответ: Q7/R4. *An engine that doesn't like oil and passes extra gas*. Респондент избирает неожиданный концептуальный ракурс, фокусируясь на неисправности самой главной части машины – ее двигателя – и описывая ее в том числе как пропускание газа. За этим описанием легко узнается многократно обыгранный в анекдотах старческий метеоризм.

Учитывая реакции, непосредственно не содержащие лексические единицы *car*, *automobile* и *vehicle*, мы насчитали в ответах 23 автомобильные метафоры, что составляет 6,44 % от общего количества метафорического материала.

В своих ответах респонденты упоминают и другие механизмы, представив в общей сложности 14 примеров (3,92%). В ряде случаев эксплицитно указывается тип механизма: Q7/R10. *A clock winding down... but you can still wind it back up, on a good day*; Q1/R41. *Turning off the faucet slowly, the water continues but it slows and becomes less*. Чаше, однако, в ответе содержится указание на техническую неисправность механизма, тип которого не уточняется. Ср.: Q7/R50. *A non maintained piece of equipment*; Q3/R32. *A machine that's nearing its end*; Q6/R66. *Worn out piece of machinery*. Несколько респондентов креативно обыгрывают тип неисправности, описывая механизм как ржавеющий, дающий протечки или издающий нехарактерные

звуки: Q3/R13. *A rusting out machine, it keeps slowing down, springing leaks, and making more noise*; Q7/R32. *An old chunking appliance*. Один респондент сфокусировался на внутреннем устройстве механизма, выделив неисправные части и описав характер повреждения: Q7/R29. *Cogs & gears that need oiling*. Некоторым диссонансом прозвучал ответ респондента, который описал стареющее тело как «хорошо смазанный механизм» (Q6/R63. *Well oiled machine*), таким образом представив его как находящееся в состоянии высокой функциональной пригодности.

Обилие механической метафоры (10,36 % от общего количества метафорического материала) и ее высокая концентрация в той части опросника, где упоминалось человеческое тело, совершенно закономерно, поскольку представление о человеке как о машине прочно укоренено в сознании носителей англоязычной культуры начиная с эпохи Просвещения (см.: [18. С. 102]).

Респонденты представили и альтернативный взгляд на тело, предложив множество метафор, описывающих характерные для старческого возраста изменения внешности. Основная их часть фокусируется на важном атрибуте старости – морщинах. В 18 ответах (5,04 %) стареющее тело сравнивается с сухофруктом или высохшим яблоком. Ср.: Q4/R1. *Dried prune*; Q10/R50. *Dried fruit*; Q10/R53. *Wrinkled prunes*; Q7/R72. *Dried out raisin*; Q10/R8. *Withered up apples*. Во всех этих случаях релевантным для сравнения является не только внешнее сходство, но и динамика процесса: некогда гладкая поверхность теряет упругость и начинает покрываться морщинами.

Такой же экспериенциальный сценарий, но в совершенно другой концептуальной и вербальной оболочке представлен в следующих описаниях: Q10/R6. *A ball of aluminum foil – they are all crunched up and can't be straightened*; Q10/R25. *Crumpled, wrinkled dollar bills*; Q4/R67. *Wrinkled shirt*. Особенно интересным представляется первый пример, поскольку автор эксплицировал созданную им метафорическую проекцию и подчеркнул необратимость произошедших изменений.

Более статичный образ представлен в ответе Q10/R29. *A sharpei*. Его автор обыграл наиболее характерную особенность собак этой породы – наличие глубоких складок на коже, составляющее сущностное их свойство с момента рождения.

Достаточно частотна в ответах респондентов ассоциация старения с вянущим или завядшим цветком (n = 6). Ср.: Q3/R48. *Watching a flower wilting*; Q4/R5. *wilting rose*; Q9/R42. *Wilted flowers*. Ее появление в ответах респондентов было высокопредсказуемым, поскольку в западной культуре начиная с Эпохи Возрождения вянущий цветок является широко распространенным символом старения, используемым как в вербальном, так и в визуальном формате [34. С. 459]. В одном из ответов представлен развернутый экспериенциальный сценарий, в котором старость метафорически осмысливается как финальная фаза жизненного цикла цветка: Q8/R28. *A flower that starts as a seed, blossoms and then loosing its pedals*.

Не все респонденты, однако, видят в цветке символ увядания. Для некоторых из них важна не динамика образа, а статичная эстетическая его составляющая. Так, один респондент сравнивает стареющую женщину с прекрасной, хрупкой розой: Q4/R7. *Rose, beautiful, delicate looking, but full of wisdom*. Эстетическая привлекательность стареющего человека отмечается и в одном из неметафорических ответов: Q5/R11. *Wisdom sometimes... hand-some version of their young self!! <...>*.

Заметим попутно, что еще одним культурно санкционированным ассоциатом, встречающимся в ответах респондентов, является дерево (n = 19, 5,32%). Ср.: Q4/R30. *Beautiful tree*; Q7/R58. *An aging tree*. В англоязычной культуре дерево издавна является символом жизненной силы человека и жизни в целом [35]. Эта ассоциативная связь эксплицируется в ответах нескольких респондентов. Ср.: Q8/R7. *The tree of life the older it gets the stronger and more knowledge it absorbs*; Q7/R12. *An old tree – lots of character, but likely to collapse at any time*. Примечательно, что пять респондентов упоминают дуб, который в англоязычной культуре ассоциируется с мужеством и мощью. Ср.: Q10/R55. *Strong majestic oak trees*. Совершенно логичным представляется то, что три из пяти упоминаний дуба встречаются в ответах на вопрос Q5, где речь идет о стареющем мужчине. Ср.: Q5/R7. *Strong oak tree, big and majestic looking, and protective*.

Возвращаясь к вопросу о телесных признаках старения, отметим, что характерные для пожилого возраста изменения внешности описываются респондентами и с помощью дескриптора *worn* (поношенный, изношенный) (n = 11; 3,08%), что также является вполне ожидаемым результатом. Ср.: Q3/R71. *Being well worn*; Q6/R64. *Young person who's worn out*. Респонденты, однако, демонстрируют креативность в выборе области источника, привлекая такие домены, как архитектурные сооружения, одежда, обувь, спортивное снаряжение, а также механизмы и их части. Ср.: Q7/R25. *A worn out home that needs a lot of tender loving care*; Q4/R25. *a well loved worn out sweater*; Q4/R53. *Well worn shoe*; Q7/R54. *A worn-in baseball mitt*; Q6/R66. *Worn out piece of machinery*; Q3/R66. *A worn out tire*.

В одном из ответов стареющее тело сравнивается не с поношенной, а с плохо сидящей, мешковатой одеждой: Q7/R66. *A saggy suit*. Примечательно само появление «одежной» метафорики в дискурсе старения, поскольку в ней репрезентируется исконное христианское представление о теле как о внешней оболочке, не отражающей сущностных свойств человека.

Идея «изношенности» в ряде ответов получает принципиально иное концептуальное наполнение и словесное оформление. Старение человека осмысливается как воздействие на него разнообразных факторов окружающей среды, а вербальным репрезентантом такого представления становится глагол *to weather*¹, который используется в 5 ответах. Ср.: Q3/R39. *A weathered timber*; Q7/R34. *A weathered tree*. Наибольший интерес в плане метафорической креативности представляют два ответа. Один из них при-

¹ Ср.: *to weather*: to expose to the open air; subject to the action of the elements [33].

мечателен детализацией созданного респондентом образа: Q5/R18. *Weathered rock, smooth on the outside but twisted and pulled on the inside*. Интересен он и нетривиальностью трактовки. Старость описывается как процесс, который «разглаживает», а не «сминает» внешнюю оболочку человека, при этом калеча его «изнутри». Второй ответ обращает на себя внимание необычностью области источника и точностью прописанных деталей. Стареющий человек сравнивается с постепенно выцветающим объявлением, висящим на телефонном столбе: Q1/R54. *Posters weathering on a telephone pole*. Интересна здесь не только динамика процесса, передаваемая с помощью причастной формы глагола, но и выбор самого объекта, с которым сравнивается стареющий человек. Объявление – это в первую очередь носитель информации. Выцветшее объявление теряет не только внешнюю привлекательность, но и информационную ценность: его становится все труднее прочесть, а длительность его пребывания на телефонном столбе свидетельствует о частичной или полной утрате его актуальности.

Важным внешним атрибутом старости является и характерное изменение осанки, на которое обратили внимание пять респондентов. Два из них прорисовали образ согбенной фигуры, используя вполне типичные ассоциаты: Q5/R25. *Bent cane. He is still useful but he takes longer to do things*; Q10/R33. *Question mark*. Еще два респондента прибегли к сравнению к намокшей лапшой, которая, как известно, теряет изначально заданную ей форму: Q5/R42. *Set noodle*; Q6/R4. *Stiff wet noodle*. Самым креативным следует признать ответ, в котором пожилой человек сравнивается со скульптурой, построенной из отдельных кусочков вяленого мяса, которая в принципе не способна быть устойчивой конструкцией: Q10/R22. *Sculptures of bee jerky*.

В трех ответах обыгрывается податливость пожилого тела, отсутствие у него юношеской упругости, причем привлекаемые для сравнения области источника связаны с важными компонентами американской бытовой культуры – детской игрой и кулинарией: Q7/R51. *Play dough*; Q7/R30. *Rising dough*; Q7/R5. *A bowl of jello*.

Респонденты обратили внимание и на те признаки старения, которые носят более сущностный характер, не ограничиваясь изменениями человеческого тела. Как мы отмечали ранее, во многих ответах так или иначе обыгрывается культурно санкционированное представление о том, что старость – это возраст мудрости, в основе которой лежат накопленные знания и опыт. В корпусе метафорических реакций наблюдается пять типов концептуализации «возрастной мудрости».

Наиболее отчетливо прослеживается тенденция к ассоциации мудрости с книгой ($n = 12$, 3,36%). Ответы варьируются от предельно лаконичных (Q6/R38. *Good book*) до развернутых, сопровождающихся пояснениями (Q4/R19. *Book of experiences with real stories*). Один из респондентов отметил важную особенность сюжетики этой «жизненной книги», которая заключается во вкраплении вымысла в реальные факты: Q5/R12. *A good story: a pleasant mixture of fact and fiction*. В этом описании в метафориче-

ской форме обозначено такое общеизвестное явление, как ложное воспоминание, которое лежит в основе фикционализации собственной жизненной истории. Один из респондентов обозначает жанр этой книги как *mystery* (Q1/R36. *A mystery book*), подчеркивая тем самым, что собственное старение – это область непознанного, неизведанного, загадочного, полного неожиданных поворотов. Интересен и ответ, в котором старость в числе других описаний представлена как «последняя глава многожанровой книги»: Q2/R15. *Wisdom, aches/pains, greying hair, thinning skin, frailty, dementia, survival, fleeting time, retirement, the final chapter of multi-genre book*. Многожанровость здесь, очевидно, метафорически соотносится с разнообразием опыта, который человек приобретает на протяжении своей жизни, в то время как в «последней главе» имплицировано завершение жизненного «сюжета», что соотносится с идеей скорой кончины.

В двух ответах респонденты упоминают не просто книгу, а энциклопедию, которая по определению является крупным информационным массивом, объединяя сведения из разных отраслей знания. Примечательно, что в одном из ответов значительность объема знаний, заключенных в энциклопедии, дополнительно профилируется с помощью противопоставления более компактному изданию – карманному словарю: Q1/R62. *Having an encyclopedia to refer to instead of a pocket dictionary*; Q9/R27. *Encyclopedias full of knowledge*.

Два респондента предлагают более масштабную версию «книжной» метафоры, называя пожилых людей «библиотекой»: Q4/R6. *A library of knowledge*; Q9/R22. *A library*.

Второй тип представлен 8 ответами (2,24%), в которых пожилые люди называются «сокровищницами» мудрости. Ср.: Q9/R17. *Treasures of knowledge, wisdom and experience*; Q9/R55. *Treasure troves of wisdom and memories*. Совершенно очевидно, что в данном случае профилируется ценность приобретенного жизненного опыта. Весьма любопытно то обстоятельство, что пять из этих восьми ответов характеризуют пожилую женщину (Q4), в то время как к пожилому мужчине (Q5) ассоциация с сокровищницей оказывается неприменимой. Справедливости ради отметим, что пять респондентов отмечают наличие мудрости у пожилого мужчины, но при этом не прибегают к метафоре (Ср.: Q6/R70. *Wise person*; Q6/R30. *Wiser person*). В целом же пожилой мужчина описывается с куда меньшим пиететом и куда большей иронией, чем женщина (Ср.: Q6/R15. *Pain in someone's ass*; Q6/R19. *Burden to others and out of touch with the times*; Q6/R27. *A third wheel in two some party*; Q6/R52. *Old dog*; Q5/R56. *Cat Daddy*; Q6/R61. *Pile of dookie*).

Третий тип концептуализации представлен двумя описаниями (0,56%), в которых старение сравнивается с получением образования: Q1/R2. *Post graduate education. You must retain and use what knowledge you've acquired through your life and able to acquire new technology and vocabulary*; Q3/R22. *An expensive education*. Особенно интересным представляется нам первый ответ, в котором респондент выстраивает сложную метафорическую проекцию от

института современного многоступенчатого образования к фазам человеческой жизни. Старость предстает как высшая (и необязательная) ступень «жизненного образования», доступная не каждому и дающая возможность получить важные дополнительные знания, не обесценивая то, что усвоено раньше. Этот метафорический сценарий представляется нам чрезвычайно удачным, поскольку он комплексно охватывает весь биографический опыт, наделяя его целостностью, представляет старение как поступательный процесс и наделяет его положительными смыслами, подчеркивая возможность дальнейшего личностного развития. Интересно и определение *expensive*, предложенное вторым респондентом. Дороговизна полученного образования метафорически реферируется к тем трудностям, которые человек испытывал на жизненном пути, и потерям, которые он понес.

Четвертая, куда более современная, метафорическая версия знания и опыта представлена в двух вариантах компьютерной метафоры. В первом случае старение сравнивается с накоплением данных на жестком диске компьютера: Q8/R55. *A computer with a lot of data on its hard drive*. Во втором пожилые люди сравниваются с браузером Google – самой популярной в Америке поисковой системой: Q9/R6. *Google – a source of knowledge*. В данном случае в фокус внимания попадает не процесс аккумуляции знания, а способность этим знанием делиться.

Более комплексный образ, в котором прорисованы и накопление, и передача знаний, представлен в единичной реакции, которую мы выделили в пятый тип: Q9/R7. *A sponge as we age we absorb years of knowledge and experience and pass some of these to our family and friends*.

Фокусировка на признаке «мудрость» является одним из средств конструирования смысла старения в положительном ключе. Столь же оптимистическое видение представлено и в 27 реакциях (7,56%), в которых старение и старость сравниваются с выдержанным алкогольным напитком (чаще вином). Наиболее типичной является реакция *fine wine* (n = 13). Представлены и такие вариации «алкогольной» метафоры, как Q5/R58. *Mature wine*; Q4/R54. *Bottle of vintage red wine*; Q5/R29. *An aged whiskey*. Трое респондентов поясняют свой выбор метафоры, указывая, что вино становится лучше с возрастом (ср.: Q3/R18. *A good stout beer or wine, just keeps getting better and better with age*). Наибольшую креативность проявил респондент, который указал сорт напитка, его возраст и вкусовые качества: Q9/R62. *50 year old bourbon, strong, smooth and aged*.

Семантически родственный, но не идентичный образ представлен в ответах шести респондентов, которые сравнили старость с выдержанным сыром. Ср.: Q3/R33. *Aging cheese*; Q7/R38. *Aged cheese*. Один респондент оказался более изобретательным в обозначении степени зрелости сыра, указав на усиление характерного запаха: Q2/R4. *The cheese got a little more funk*.

Несмотря на яркость «алкогольной» и «сырной» метафор, их выявление в обиходных дискурсах старения нельзя признать ценным исследовательским результатом, поскольку они давно и прочно укоренены в сознании представителей англоязычной (и не только) культуры и имеют широкое

хождение. Более того, наблюдается тенденция к ассоциации мужского старения с вином, а женского с – сыром. Ср.: *Men got better with age, like wine. Women, on the other hand, were like cheese- aged was good to a degree, then came the mold and the inevitable casting aside* (D. Webb. Dirty) [36].

Обратим внимание и на три ответа, в которых старость интерпретируется как утративший нормативную кондицию пищевой продукт: Q3/R65. *Flat soda*; Q3/R69. *Stale bread*; Q7/R65. *Stale popcorn*. Выдохшаяся минеральная вода, черствый хлеб и засохший попкорн все еще пригодны в пищу, однако их вкусовые качества значительно снижены. Такое ухудшение потребительских свойств продукта метафорически проецируется на снижение качества жизни в пожилом возрасте.

В корпусе ответов представлены и уникальные образы, являющиеся продуктом метафорической креативности самих респондентов. Значительная их часть упоминалась нами выше. Обратим особое внимание на ответы, которые не вписываются ни в одну ранее рассмотренную метафорическую канву. Два из них примечательны использованием прецедентных имен. Так, один респондент сравнивает старение с превращением в Железного Дровосека – героя «Волшебника страны Оз» Л.Ф. Баума. В основе сравнения – характерные для пожилого возраста физиологические изменения, которые респондент весьма находчиво описывает как «все скрипит»: Q1/R66. *Becoming the Tin Man, everything squeaks*. Во втором ответе содержится прецедентное имя «День сурка», которое представляет собой название популярного в Америке фильма, главный герой которого попадает во временную петлю и вынужден бесконечно переживать один и тот же день. После выхода фильма в 1993 г. выражение «день сурка» вошло в повседневный американский речевой обиход, обозначая бесконечно повторяющуюся череду событий. Респондент творчески обыгрывает идею монотонности бытия, помещая стареющего человека в Ад и тем самым лишая созданный им образ всяких положительных коннотаций: Q1/R44. *The movie Groundhog Day, except I wake up in Hell, rather than a quaint New England town*.

Конструирование старости в крайне отрицательном ключе наблюдается и в следующем ответе: Q8/R42. *Gum surgery*. Старость предстает здесь как состояние крайне неприятное и болезненное. Возможность такой метафорической проекции объясняется тем, что в англоязычной культуре сформирована стойкая ассоциативная связь между неприятным опытом и стоматологическими проблемами и процедурами [18. С. 214–215]. Заметим также, что в этой культуре широко распространено представление о том, что старость – это своего рода болезнь, которого придерживается и ряд ученых-геронтологов (см., например: [37]).

Не перекликается ни с одной из вышеописанных реакций и следующий ответ: Q9/R2. *Long playing albums, 33 1/3 rpm. High fidelity, full audio spectrum, complete with static*. Автор выстраивает комплексную метафорическую проекцию, избрав в качестве области источника весьма оригинальную экспериенциальную область – прослушивание грампластинки. Арха-

ичность технологии, вероятно, реферируется к возрастной категории, к которой принадлежит человек, длина альбома – к продолжительности его жизни, классическая скорость воспроизведения – к традиционности жизненного уклада, высокая надежность и полнота звукового спектра – к качеству и объему накопленного опыта, а помехи при воспроизведении – к возрастным проблемам со здоровьем.

Таким образом, эксперимент показал, что респонденты владеют конвенциональной метафорикой старения и старости, способны обыгрывать известные им метафоры и создавать собственные метафорические проекции. В связи с этим возникает вопрос, насколько последовательны они были в выборе образности: придерживались ли они одной метафорической стратегии или предлагали множество альтернативных прочтений. Иными словами, встает вопрос о структуре индивидуальных метафорических ландшафтов старения и старости.

Анализ полученного экспериментального материала показывает, что лишь 3 респондента из 72 не предложили ни одной метафоры. Максимальное количество неповторяющихся метафорических ответов (8 из 10) предложил респондент R4: Q1. *Chewing peanut butter*; Q2. *The cheese got a little more funk*; Q3. *Falling apart slowly*; Q5. *A grouch, a grump, an angry beaver*; Q6. *Stiff wet noodle*; Q7. *An engine that doesn't like oil and passes extra gas*; Q8. *Sand through an hour glass*; Q9. *Furniture a smelly animal sits on all day*. Такое разнообразие реакций тем более примечательно, что формулировки вопросов были достаточно схожими.

Два респондента предложили несколько метафорических проекций при ответе на один вопрос: Q3/R50. *Being a rusted out, broken down vehicle. An article of clothing that is no longer in fashion & seriously doubt the style will ever return*; Q4/R13. *Little child in some ways, a history book in other ways, and a shriveled up apple*. В большинстве же случаев в ответах можно найти одну или две центральные метафоры, которые могут быть представлены чуть различающимися концептуальными и вербальными формами, и несколько единичных метафор другого генеза.

Весьма репрезентативны в плане структуры метафорического ландшафта ответы респондента R62. 9 из 10 ответов содержат метафору, при этом три ответа представляют собой вариации на тему «древесного» образа (Q7. *A fine old oak tree*; Q8. *A tree growing*; Q10. *Trees*), а два являются разновидностями «алкогольной» метафоры (Q3. *An aged wine*; Q9. *50 year old bourbon, strong, smooth and aged*). Наряду с ними представлены такие единичные формы, как Q1. *Having an encyclopedia to refer to instead of a pocket dictionary*; Q4. *Beautiful slow moving river*; Q5. *Carved rock*; Q6. *Mostly full glass*.

Соответствуют этой тенденции и ответы респондента R45. Он предлагает четыре существенно отличающиеся метафоры, используя фитонимическую и механическую образность, а также сравнивая старость с наступлением ночи и предательством тела. При этом фитонимическая и механическая метафоры представлены в двух формах, отличающихся друг от друга как концептуально, так и вербально: Q3. *Fading flowers*; Q4. *Perfectly ripe*

pear; Q5. *Well-used machine*; Q6. *Car beginning to leak and squeak*; Q7. *A betrayal*; Q8. *The coming of night*.

К сожалению, формат статьи не позволяет исчерпывающе представить экспериментальный материал и с необходимой степенью глубины обсудить его. Мы ограничились рассмотрением лишь наиболее значимых и интересных форм, которые представляются нам показательными в плане концептуализации экзистенциального опыта старения и старости в современной американской лингвокультуре. Представленные в данной статье результаты позволяют сделать ряд общих выводов.

1. Опыт старения принадлежит к числу феноменов субъективной реальности высокой степени сложности и допускает множество принципиально разных трактовок. Значительная часть этих трактовок предлагается культурой через посредство дискурсивных практик. Культурно санкционированные представления о старении и старости формируются под влиянием множества демографических, экономических, политических, социальных и других факторов и составляют в совокупности сложное, динамичное и разнородное образование, объединяющее традиционные представления с недавно возникшими.

2. Одним из основных инструментов концептуализации опыта старения в современной американской лингвокультуре является метафора. Разнородность дискурсивных практик способствует циркулированию множества генетически неродственных метафор, создавая ситуацию выраженного метафорического плюрализма.

3. Носитель американской лингвокультуры усваивает предлагаемый ему метафорический репертуар, адаптируя его к собственным когнитивным потребностям. Кроме того, он потенциально обладает способностью к метафорическому творчеству, продуктом которого становятся модифицированные конвенциональные метафоры и собственные, индивидуально-авторские метафоры, основанные на нестандартной междоменной проекции. Совокупность метафор, которыми пользуется носитель лингвокультуры для осмысления и вербализации опыта старения и старости, формирует уникальный метафорический ландшафт.

Литература

1. *Talking over the years: A handbook of dynamic psychotherapy with older adults* / ed. by S. Evans, J. Garner. New York : Routledge, 2004. 305 p.
2. *Woodward C.V.* The future of the past. New York ; Oxford : Oxford University Press, 1989. 384 p.
3. *Arnquist S.* How old do you feel? It depends on your age // New York Times. 2009. June 30.
4. *Brainy Quote*. URL: https://www.brainyquote.com/quotes/bernard_baruch_103914 (дата обращения: 18.04.2019).
5. *Plaut W.G.* The price and privilege of growing old. New York : CCAR press, 2000. 146 p.
6. *Journals of Ralph Waldo Emerson*. London : Forgotten Books, 2012. 538 p.
7. *Woodward C.V.* The comparative approach to American history. New York ; Oxford : Oxford University Press, 1997. 384 p.

8. McCallum J. Health in the "gray" millennium: Romanticism versus complexity? // *Aging: Culture, health, and social change*. New York : Springer science, 2001. P. 29–42.
9. Nunberg G. Do not go gently; geezers, gerries and golden agers // *New York Times*. 2004. March 28.
10. Rowe J.W., Kahn R.L. Human aging: Usual and successful // *Science*. 1987. Is. 237. P. 143–149.
11. Laliberte R., Moss G. Stay young longer // *Men's Health*. 1992. Vol. 7, is. 3. P. 46–51.
12. Morgan L.A., Kunkel S.R. *Aging, society, and the life course*. New York : Springer Publishing Company, 2016. 416 p.
13. Douthat R. Telling Grandma 'No' // *New York Times*. 2009. August 16.
14. *Routledge Handbook of Cultural Gerontology* / ed. by J. Twigg, W. Martin. New York : Routledge, 2015. 502 p.
15. Bruni F. In defense of the Gerontocracy // *New York Times*. 2019. February 26.
16. *Acculturating Age: Approaches to Cultural Gerontology* / ed. by B.J. Worsfold Lleida : University de Lleida, 2011. 383 p.
17. Giddens A. *Modernity and self-identity: Self and society in the Late Modern Age*. Cambridge : Polity Press, 1991. 264 p.
18. Нагорная А.В. Дискурс невыразимого: Вербалика внутрителесных ощущений. М. : ЛЕНАНД, 2014. 320 с.
19. Kövecses Z. *Where metaphors come from: Reconsidering context in metaphor*. Oxford : Oxford University Press, 2015. 234 p.
20. King S. *Insomnia*. London : Hodder & Stoughton, 1994. 760 p.
21. Elias M. In step with march of time Study on aging in 2,000 lives uncovers clues to futures // *Life*. 1998. May 11.
22. Lederer R. *The Gift of Age: Wit and wisdom, information and inspiration for the chronologically endowed, and those who will be*. Portland : Marion Street Press, 2011. 168 p.
23. Morrison M.R. *Poetry as therapy*. New York : Human Sciences Press, 1987. 229 p.
24. Danesi M. Metaphorical competence in second language acquisition and second language teaching: The neglected dimension // *Georgetown University round table on languages and linguistics*. Washington D.C. : Georgetown University Press, 1992. P. 125–136.
25. Lawley J., Tompkins P. *Metaphors in mind: Transformation through symbolic modeling*. London : Crown House Pub Ltd, 2000. 336 p.
26. Gentner D., Colhoun J. Analogical processes in human thinking and learning // *Towards a theory of thinking: Building blocks for a conceptual framework*. Berlin ; Heidelberg : Springer, 2010. P. 35–48.
27. Gentner D. Bootstrapping the mind: Analogical processes and symbol systems // *Cognitive Science*. 2010. № 34. P. 752–775.
28. Bowdle B.F., Gentner D. The career of metaphor // *Psychological Review*. 2005. Vol. 112, № 1. P. 193–216.
29. Pragglejazz Group. MIP: A method for identifying metaphorically used words in discourse // *Metaphor and symbol*. London : Lawrence Erlbaum Associates, Inc., 2007. P. 1–39.
30. Лухачев Д.С. Заметки и наблюдения: Из записных книжек разных лет. Л. : Сов. писатель, 1989. 608 с.
31. Vincent J. *Old age*. New York : Routledge, 2003. 208 p.
32. Lumsden K. *Boy racer culture: Youth, masculinity and deviance*. London ; New York : Routledge, 2013. 208 p.
33. Merriam Webster Dictionary. URL: [https:// www.merriam-webster.com](https://www.merriam-webster.com) (дата обращения: 18.04.2019).
34. *Old Age in the Middle Ages and the Renaissance: Interdisciplinary Approaches to a Neglected Topic (Fundamentals of Medieval and Early Modern Culture)* / ed. by A. Classen. Berlin ; New York : Walter de Gruyter, 2007. 575 p.
35. Lehner E., Lehner J. *Folklore and symbolism of flowers, plants and trees*. New York : Dover Publications, 2003. 128 p.

36. Good Reads. URL: <https://www.goodreads.com>.

37. Blanchette K. Prevention of the disease of aging. Maitland : Xulon Press, 2012. 258 p.

Metaphors of Aging and Old Age in the Lay Discourses of Contemporary America

Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Filologiya – Tomsk State University Journal of Philology. 2021. 69. 142–165. DOI: 10.17223/19986645/69/7

Alexandra V. Nagornaya, Higher School of Economics (Moscow, Russian Federation).

E-mail: alnag@mail.ru

Keywords: lay discourse, discourses of aging and old age, metaphor, metaphorical creativity, metaphoric landscape.

The article presents the results of research aimed at revealing individual means of metaphorical conceptualization of aging and old age resorted to by ordinary speakers of contemporary American English. The interpretation of the existential experience of aging is a cognitive process of high complexity, which stems both from subjective factors and a wide variability of conceptual landmarks reflected and reinforced in discursive practices. The heterogeneity of the discourse of aging is accounted for by a complex dynamics of demographic, economic, political, social and other processes that shape significantly the differing interpretations of old age and its axiological assessment and contribute to the simultaneous circulation of a wide range of genetically unrelated metaphors. Native speakers master the metaphorical repertoire offered by their culture, adapt it to their cognitive needs and are potentially capable of creating their own metaphorical mappings. The methodological basis of the present research is the theory of metaphorical creativity proposed by Zoltan Kövecses and the metaphoric landscape theory advanced by James Lawley and Penny Tompkins. The article describes an experiment conducted on Survey Monkey among native speakers of American English aged 40 to 80+. The respondents were requested to answer 10 open-ended questions, whose construction met two basic criteria: 1) the presence of a simile marker aimed at preventing the respondents from using simple predicative constructions, and 2) the use of ‘clean language’ (Lawley & Tompkins), which is supposed to prevent the effect of semantic priming. Seventy-two respondents, who took part in the survey, presented 720 answers, 357 (49.58 per cent) of which were identified as metaphorical. The analysis revealed the presence of a considerable number of culturally licensed metaphorical forms, such as phytonymic images (wilting flower, aging tree, dried fruit), alcoholic and gastronomic metaphors (aged wine/cheese), various mechanical imagery (slowing down clock, broken automobile), variations of LIFE IS A JOURNEY metaphor and others. The analysis shows, however, that even when resorting to the traditional conceptual format, the respondents are capable of creatively playing with the source domain discovering hidden metaphorical possibilities (aging is ‘driving on empty’, ‘a pothole on the life road’) and offering non-standard verbal representations (aging is a ‘trip’). A particularly telling example of metaphorical creativity is the choice of a source domain when conceptualizing the traditional attributes of old age. Thus, wisdom traditionally associated with old age is presented as a book (a mystery novel, an encyclopedia, a library, etc.), a computer hard drive, the Google search engine, a treasure and postgraduate education. Of special interest are unique creative metaphors, which include, among others, such forms as: old age is ‘Groundhog Day in Hell’, ‘becoming the Tin Man’, and ‘flat soda’. The analysis of answers presented by individual respondents shows that the typical configuration of the metaphorical landscape of aging and old age includes one or two central metaphors presented in slightly differing conceptual and verbal forms and a number of genetically different isolated metaphors.

References

1. Evans, S. & Garner, J. (eds) (2004) *Talking over the years: A handbook of dynamic psychotherapy with older adults*. New York: Routledge.

2. Woodward, C.V. (1989) *The future of the past*. New York, Oxford: Oxford University Press.
3. Arnquist, S. (2009) How old do you feel? It depends on your age. *The New York Times*. June 30.
4. *Brainy Quote*. (2019) [Online] Available from: https://www.brainyquote.com/quotes/bernard_baruch_103914 (Accessed: 18.04.2019).
5. Plaut, W.G. (2000) *The price and privilege of growing old*. New York: CCAR Press.
6. Emerson, R.W. (2012) *Journals of Ralph Waldo Emerson*. London: Forgotten Books.
7. Woodward, C.V. (1997) *The comparative approach to American history*. New York; Oxford: Oxford University Press.
8. McCallum, J. (2001) Health in the “gray” millennium: Romanticism versus complexity? In: Weisstub, D.N., Thomasma, D.C., Gauthier, S. & Tomossy, G.F. (eds) *Aging: Culture, health, and social change*. New York: Springer Science. pp. 29–42.
9. Nunberg, G. (2004) Do not go gently; geezers, gerries and golden agers. *The New York Times*. March 28.
10. Rowe, J.W. & Kahn, R.L. (1987) Human aging: Usual and successful. *Science*. 237. pp. 143–149.
11. Laliberte, R. & Moss, G. (1992) Stay young longer. *Men's Health*. 7 (3). pp. 46–51.
12. Morgan, L.A. & Kunkel, S.R. (2016) *Aging, society, and the life course*. New York: Springer Publishing Company.
13. Douthat, R. (2009) Telling Grandma ‘No’. *The New York Times*. August 16.
14. Twigg, J. & Martin, W. (eds) (2015) *Routledge Handbook of Cultural Gerontology*. New York: Routledge.
15. Bruni, F. (2019) In defense of the Gerontocracy. *The New York Times*, February 26.
16. Worsfold, B.J. (ed.) (2011) *Acculturating Age: Approaches to Cultural Gerontology*. Lleida: University de Lleida.
17. Giddens, A. (1991) *Modernity and self-identity: Self and society in the Late Modern Age*. Cambridge: Polity Press.
18. Nagornaya, A.V. (2014) *Diskurs nevyrazimogo: Verbalika vnutritel'snykh oshchushcheniy* [Discourse of the Inexpressible: The Verbal of Intra-bodily Sensations]. Moscow: LENAND.
19. Kövecses, Z. (2015) *Where metaphors come from: Reconsidering context in metaphor*. Oxford: Oxford University Press.
20. King, S. (1994) *Insomnia*. London: Hodder & Stoughton.
21. Elias, M. (1998) In step with march of time Study on aging in 2,000 lives uncovers clues to futures. *Life*. May 11.
22. Lederer, R. (2011) *The Gift of Age: Wit and wisdom, information and inspiration for the chronologically endowed, and those who will be*. Portland: Marion Street Press.
23. Morrison, M.R. (1987) *Poetry as therapy*. New York: Human Sciences Press.
24. Danesi, M. (1992) *Metaphorical competence in second language acquisition and second language teaching: The neglected dimension*. Georgetown University Round Table on Languages and Linguistics. Washington D.C.: Georgetown University Press. pp. 125–136.
25. Lawley, J. & Tompkins, P. (2000) *Metaphors in mind: Transformation through symbolic modelling*. London: Crown House Pub Ltd.
26. Gentner, D. & Colhoun, J. (2010) Analogical processes in human thinking and learning. In: Glatzeder, B., Goel, V. & von Müller, A. (eds) *Towards a theory of thinking: Building blocks for a conceptual framework*. Berlin; Heidelberg: Springer. pp. 35–48.
27. Gentner, D. (2010) Bootstrapping the mind: Analogical processes and symbol systems. *Cognitive Science*. 34. pp. 752–775.
28. Bowdle, B.F. & Gentner, D. (2005) The career of metaphor. *Psychological Review*. 112 (1). pp. 193–216.
29. Pragglejazz Group. (2007) MIP: A method for identifying metaphorically used words in discourse. *Metaphor and Symbol*. 22 (1). pp. 1–39.

-
30. Likhachev, D.S. (1989) *Zametki i nablyudeniya: Iz zapisnykh knizhek raznykh let* [Notes and observations: From notebooks of different years]. Leningrad: Sov. pisatel'.
 31. Vincent, J. (2003) *Old Age*. New York: Routledge.
 32. Lumsden, K. (2013) *Boy racer culture: Youth, masculinity and deviance*. London; New York: Routledge.
 33. *Merriam Webster Dictionary*. [Online] Available from: <https://www.merriam-webster.com> (Accessed: 18.04.2019).
 34. Classen, A. (ed.) (2007) *Old Age in the Middle Ages and the Renaissance: Interdisciplinary Approaches to a Neglected Topic* (Fundamentals of Medieval and Early Modern Culture). Berlin; New York: Walter de Gruyter.
 35. Lehner, E. & Lehner, J. (2003) *Folklore and symbolism of flowers, plants and trees*. New York: Dover Publications.
 36. *Good Reads*. [Online] Available from: <https://www.goodreads.com>.
 37. Blanchette, K. (2012) *Prevention of the disease of aging*. Maitland: Xulon Press.